

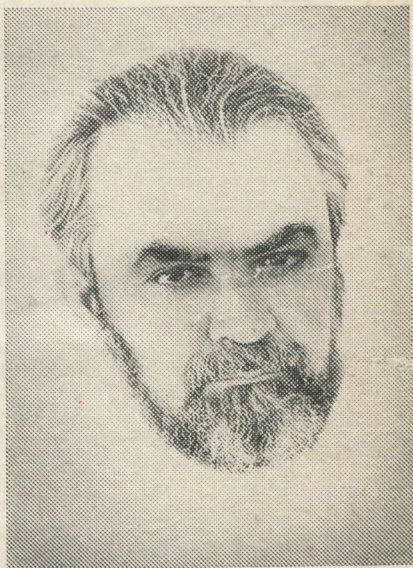
БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 22

1977

Геворг ЭМИН

ДВАДЦАТЫЙ
ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Цена 16 коп.

Индекс 70668

ВНИМАНИЮ КНИГОЛЮБОВ!

В любом книжном магазине можно приобрести билет Всероссийской книжной лотереи. Стоимость его — 25 копеек.

В нашей лотерее не надо ждать тиража выигрышей, так как на запечатанном билете выигрыш — от 50 копеек до 5 рублей — обозначен заранее.

ВЫИГРЫШ — КНИГА! Но можно получить и другие товары, имеющиеся в магазине: **АЛЬБОМЫ, ЭСТАМПЫ, НАБОРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОТКРЫТОК, ГРАМПЛАСТИНКИ** и пр.

В среднем каждый третий билет выигрывает.

УЧАСТВУЙТЕ В КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕЕ!

Дирекция
Всероссийской
книжной лотереи

Геворг ЭМИН

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

СТИХИ

Перевод с армянского

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1977

Геворг ЭМИН

Геворг Григорьевич Эмин родился в 1919 году, в армянском селе Аштарак, в семье учителя. В 1927 году семья переехала в Ереван.

В 1940 году Эмин окончил гидротехнический факультет Ереванского политехнического института. Учебу в институте он совмещал с работой в Книжной палате и в Научно-исследовательском институте по изучению древних армянских рукописей (Матенадаран). По окончании института Эмин был прорабом на строительстве районной гидроэлектростанции в Варденисском районе Армении.

В 1942—1944 годах Эмин служил в рядах Красной Армии. Затем работал в Союзе писателей Армении, был собственным корреспондентом «Литературной газеты», главным редактором журнала «Литературная Армения», старшим научным сотрудником Института литературы Академии наук Армянской ССР.

В 1954—1956 годах окончил Высшие Литературные курсы при Союзе писателей СССР.

Первая книга стихов Эмина на армянском языке «Нахашави́г» («Предпутье») вышла в 1940 году.

В последующие годы его книги были изданы на армянском и русском языках, на языках народов Советского Союза и стран социализма.

Основные издания на русском языке: «Стихи» (1947 г.), «Новая дорога» (1950 г.), «Три песни» (1957 г.), «Перед часами» (1962 г.), «Стихи» (1963 г.), «Семь песен об Армении» (1970 г.), «В этом возрасте» (1972 г.).

В 1976 году Геворг Эмин удостоен Государственной премии СССР за книгу стихов «Век. Земля. Любовь».

В настоящий сборник вошли главным образом стихи последних лет.

* * *

Наш век суров. Так чуткость обнаружим,
Когда пойдем глаголом жечь сердца,
Со словом — осторожно, как с оружием:
И шрифт и пуля — оба из свинца!

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

...Двадцатый век.
Я добывал огонь,
Я из пещеры лез
на небоскребы.

Теперь огонь
Я прячу под ладонь,
И, атомы разъяв,
Страшусь их злобы.

Двадцатый...
Свет неона..
Бред Нерона.
Тер-зоры, освенцимы,
Бухенвальды —
Весь ужас и позор,
Перед которыми
Бессильно гаснут
Свечи Торквемады.

Двадцатый век....
Плечо Брижитт Бардо
Над койкою
больного раком.
И джаз
И свистопляска
твиста
Рядом.

Двадцатый...
Нервотрепка,
Спазмы,
Желчь...
Двадцатый век...
Смертельны
Снег и дождь...

Двадцатый век.
Уставший от трудов,
С судьей в обнимку
Виски пьет палач.
И лжи парад
И правда
Без суда
Распята на крестах
радиомачт.

Двадцатый век.
Освобождение наций.
Эпоха небывалых
революций.

Век скоростей.
Высот.
Полярных станций.
Простор Вселенной.
Узость резерваций...

Двадцатый век.
Мне очень дорога
Твоя борьба,
Размах
И жажда света.
Ты будешь веком
Счастья и добра,
Двадцатый век,
Я верю в это!

ГРЯДУЩЕМУ

Помоги же мне не ошибаться:
Если сплю — пораньше просыпаться,
Если делом занят — не лениться,
Если дверь открыта — не ломиться!

Помоги несделанное дело
Не принять за счастье без предела.
Помоги мне! Дай большое право
Не кричать о славе прежде славы.
Если в сердце я стиха не выносил,
Ты не дай, чтоб на бумаге выписал.
Если камня из скалы не выломал —
Не похвастался, что стены выложил.
Помоги не показаться правым,
Если был я глупым и лукавым.
Дай мне не возжаждать награждения
За ошибки или преступления.
Помоги мне не казаться —
Быть!
Помоги мне правильно прожить.

* * *

Стихи о грядущем подадут вам весть
О том, что я когда-то жил на свете.
Быть может, в том бессмертие и есть?
Но это — половинное бессмертье!

А мне о вас расскажет ли хоть кто-то,
Читатели моих грядущих лет,
Грядущие друзья с других планет,
Грядущие печаль, борьба, работа?

Грядущая любовь в грядущем дне,
Грядущие неведомые люди,
Грядущий мир, где уж меня не будет...
О кто же, кто о вас расскажет мне?..

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

(январь, 1924)

...Шли с ним проститься. Сотни тысяч
шли.

Отодвигались сроки похорон.
И как похоронить его могли,
Когда к нему все шли, и шли, и шли,
И поезда и день и ночь везли
Людей со всей страны, со всех сторон?

Отодвигались сроки похорон,
И как похоронить его могли,
Когда все шли потоки толп людских,
Когда идут они со всей земли,
Неся ему любовь сердец живых?

И до сих пор конца потоку нет,
И это будет длиться много лет...
Века так будет длиться — не года! —
И похорон не будет никогда.

МОЕ КРЕДО

Я люблю языки всех народов и стран,
Я людей полюбил, все, что в них человечно,
Я простить не могу, что какой-то смутьян
Разделил навсегда языки и наречья.

Есть преданье: в далекие те времена
Люди все на одном языке говорили;
Чтоб построить дом счастья, сошлись племена
Для великих свершений и дружных усилий.
Но разгневался бог, Он проклятьем грозил,
Страшной карой, суровости верен всегдашней,
Создал он языки, племена разделил
И покончил навек с Вавилонскою башней.

Я люблю языки всех народов и стран,
Все, что в них человечно, и честно, и смело,
Я холстом Рафаэля пленен, и туман
Застилает глаза мне при смерти Отелло.
По Шотландии с Бернсом брожу вдвоем,
С Уитменом в Нью-Йорк прихожу на рассвете...
А как только фашисты ворвались в мой дом,
На войну я пошел с малым томиком Гете.

ИСПОВЕДЬ ПОЭТА

Ты не ведаешь, как мы писали,
Ты представить такого не смел?
На листе единицу писали,
Оставляя десяток в уме,

Ты не знаешь, как мы расточали
Драгоценности мыслей, страстей?
Злато мы в сундуках оставляли,
Мишурой забавляя людей.

Как любили мы? Походя брали
Что попроще, что плоше лежит,
Наизусть все заранее знали,
Не стремились к тому, что манит...

Ты спроси у монмартрских транжиров,
Кто и как свою жизнь промотал,
Называя достойною жизнью
Только жалкий ее ритуал.

Знаешь, как бы мы завтра любили,
Знаешь, как бы мы завтра творили,
Как бы жили мы, кем бы мы были,
Если б жизни свои повторили!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ТЮРЕМЩИКАМ

(Гарсия Лорка. Испания, 1936)

Отчизна — не только напев, перепляс,
Незыблемость камня, воды сверканье,
Если тиранам ты отдалась,
Мачехой стала ты мне, Испания!

Богово кесарю не уступить,
Лживому мне ли служить сладкозвучию!
Лучше забытым начисто быть,
Чем возвеличенным, но прирученным!

Зря не желаю растрачивать слов:
Честный спор не ведут с бесчестными.
Быть по-волчьи в стае волков?
Жив человек не воем, а песнями!

Губы замкну и уши заткну:
Речь обессмыслена и обесценена.
Если я слушать вас начну,
Буду замешан и я в преступлении.

С вами сражаться? Прибегнуть к мечу?
Но и оружие вы испоганили.
Даже дышать я здесь не хочу,
Вами отравлен воздух Испании!

Я отрекаюсь от лет и дней,
Зло и добро перепутавших суетно.
Я отрекись и от жизни своей,
Если вы меня к жизни присудите!

Мил вам поэт, превратившийся в прах?
Что ж! Я приветствую гибель кровавую.
Только не знать бы, как вы на торгах
Распорядитесь посмертной славою.

* * *

Кто сильнее человека,
Кто слабей человека,
Скажи?
Человек за земные шагнул рубежи,
Грозный атом разъял,
Но остался он хрупким сосудом,
Той же чашей тончайшей,
Той же кровью прозрачной,
Пульсирующей по сосудам.

Человек — он гигантские скалы взрывает,
Но ничтожная пуля
Его убивает,
Живого —
И незримая пуля,
И жестокая шутка,
И суровое слово.

Человек не сравнится и с ящеркою
полевой —

Отрубите ей хвост,
Прирастет как ни в чем не бывало.
Или червь дождевой —
Разрубите его пополам,
Он живой
И живет как ни в чем не бывало.

Угрюмый взгляд, —
Дошли четыре каменных Рамзеса.
Четыре зла,
Четыре палача,
Четыре были или небылицы,
Торчавшие на площадях столицы
Тому четыре тыщи лет назад...

...Вот так-то, друг!

* * *

«Молчанье — это золото».
Мне издавна
Известна та затасканная истина.
Но, не желая в памяти задерживать,
Я с детства избегал ее затверживать,
Хотя еще догадывался смутно я,
В чем подлинная суть ее подспудная...

Молчанье робких — есть незамечание,
А золото — есть плата за молчание,
Награда, что была тебе положена,
За то, что сердце болью не встревожено,
За то, что лицемерье откровенное
Ты выдавал за чувство сокровенное.

Да, ты авторитет свой не подмачивал,
Ты все, что полагается, замалчивал,
Пока шагал дорогой проторенною,
Ту истину усвоив немудреную,
Что золото — не слов прямых звучание,
Что золото — награда за молчание.

Я — АРМЯНИН

Я стар, как Арарат. Я — древний армянин.
И башмаки мои от вод потопа влажны.
Здесь Ной топтал снега сияющих вершин.
Ваала грозного сразил мой меч отважный.
И камень, с незапамятных времен
Поросший мхом, я обтесал упрямо,
Чтоб он, моею кровью освещен,

Лег в основание языческого храма.
В долине Арарата на заре
Я, отложив свою кирку и молот,
Огонь затеплил в халдском алтаре...
Я молод был тогда, и Арарат был молод.

Но каждый лепесток в долине стал
багрян,—
Все, что от века было возвращено в ней,
Всходило только на крови сыновней.
Здесь все холмы скрывают прах армян.

Испытанным щитом встречал я натиск
вражий.
Стократ я ранен был и побеждал стократ.
Я — армянин. Я стар, как Арарат,
И голову держу я выше горных кряжей...
Мне каждый новый век страданья приносил.
Кто сыновей моих по всей земле развеял?
Кто Арарат дождем кровавым оросил,
Под корень подкосил ростки,
что я взлелеял?

Я жил, дышал средь выжженных полей,
На щебне пустырей, на черном пепле,
Но кровь свою я превратил в елей
И заново светильники затеплил.

Из множества мечей сковал я лемеха,
Сынам своим вернул отцовскую опеку,
Их скорбь я воплотил в дыхание стиха,
Подобно новому Григòрию Нарèку¹.
Я — армянин. Как Арарат, я стар...
И Арарат бы сокрушила сила
Моих страданий. Первый свой удар
Мне наносил любой поднявшийся Аттила.
Я привыкал к резне, веками жил в плену,
Я был, как сирота, в борьбе за жизнь
упорен.

На вспаханную новью целину
Упала горсть моих тысячелетних зерен.
Как трудно петь о счастье — речь армян

¹ Нарек (Нарекаци) Григор (951—1003) — знаменитый армянский поэт.

Словами радости от века небогата.
Аттила жаждой крови обуян,
Не вторгся в этот раз в долину Арарата.

Благословен мой род, его величье свято,
Изгнанником я был и Родину обрел,
Я — древний армянин, ровесник Арарата,
Чьей седины крылом касается орел.

НАД ДРЕВНИМИ РУКОПИСЯМИ

Приснилось мне: в монастыре
Севанском

Луною полуночной осиянном, —
под ливень и далекий звон копыт,
дита рассвета, ненавистник мрака,
я мучаюсь, Геворг из Аштарака,
художник, летописец и пиит.

Себя я знаю — я земной и шалый,
я первый среди грешников, пожалуй,
и я последний из всех святых,
но я молюсь, молюсь сегодня богу,
его я призываю на подмогу
в неразрешенных сложностях своих.
Писать молитву поручили в прозе,
а я — я написал стихи о розе,
не розами, а ладаном дышу.
Трактат о древе страшного распятия
на половине бросил и опять я
про древо жизни вечное пишу.

Не знаю, кто меня уж угораздил,
но вместо глаз твоих — о богоматерь! —
глаза Хумар — крестьянки молодой —
и на листах Евангеля рисую,
и все увещевания — впускаю!
Ну что ж поделать мне с моей бедой!

Да и беда ли это? Сомневаюсь,
исправиться совсем не порываюсь,
а прорываюсь к жизни. Здесь — тоска.

Меня такого создала природа
 не для молитв, а для тебя, свобода,
 свод кельи мою душу не согнет!
 Ни отлученья не боюсь, ни плахи!
 И не пугают ночью меня страхи,
 что буду вызван на святой синод.

У НИАГАРСКОГО ВОДОПАДА

* * *

Масис, ты весел,
а меж тем
печалюсь я бедой твоею.

Масис, ты молод,
а меж тем
я от твоих забот старею.

Не оттого ль
ты свеж и юн,
а я сединами отмечен,
что я лишь гость на сей земле,
а ты на этом свете вечен?

Уж лучше бы на свете этом
мне быть Горой,
тебе — Поэтом!

ЯБЛОКО

Пылает яблоко на блюде,
Сочатся капли сквозь надрез,
Над ним о вечности и чуде
Ты философствуешь,
мудрец...

«О яблоко!
Его нейтроны
Познания силу обрели,
Как бомбы,
яблоки
Ньютона
Дубасили
по лбу
Земли!
Его змея дарила Еве,
Мир торжествующий гудел,
Когда на гнущихся
деревьях
Набухли
яблоки

грудей!
Оно самой земле подобно,
В нем дьявольская красота,
И солнце прячется под облако,

Как яблочко
 под сень листа.
О яблоко!..
 О знак раздора!
О яблоко!..
 О суть чудес!..
В сказаниях,
 как метеоры,
Семь яблок
 рушатся
 с небес.
Оно содержит... витамин...»
Твой интеллект неутомим —
Он хитроумен, словно сеть,
Он полон аксиом недужных,
Кроме единственной
 и нужной —
Взять это яблоко
 и... съесть.

* * *

Привет тебе, Радость,—
Если ты не мгновенна,
Если ты не одна, не случайна, не мнима!
Ведь цветок-одиночка еще не весна!

Привет, Мечта,—
Если ты дерзновенна,
Если ты не проста, не легко исполнима
И дорога твоя крута и трудна!
Привет, тебе, Бедствие,—
Если ты ополчилось
На меня не вседневною пыткой несносной,
Если как испытание ты мне дано!

И Несчастью — привет, если так уж случилось,
Если с ним разминуться не удалось мне:
Но придет пусть однажды,
Пусть будет одно....

В ЛЕСУ

Птица на дереве
Меня обучает пенью.
Пчела меня учит
в безделье не погружаться.
Земля терпеливо учит меня
терпенью,
а корень учит
за землю свою держаться.

Любой ручеек
меня учит быть добрым
и кротким.
Гора меня учит
не склонять головы,
если беда подкрадется.
Бабочка учит меня
каждым днем дорожить,
даже самым коротким,
а дуб меня учит:
стоя умри,
когда умирать придется..
И не стеная,
не плача,
не хватая воздух рассветный
холодеющими руками,—
а спокойно и гордо,
как дерево
или камень.

* * *

Три девочки в траве —
Три тонких линии,
Одна из них была подобна лилии.
(О детские мечты!
Они так радужны,
И все печали их легки и радостны.)

Три девушки
В пруду вечернем плавали,
Одна из них казалась
жарче пламени.

(О мудрая природа!
Зелень озими
Собою предвещает зрелость осени.)

Три женщины
В накрапах ливня дробного.
Одна к себе прислушалась
и вздрогнула.

(О жизни торжество!
Что ни мгновение —
В ней тайно происходит обновление.)
А дети спят,
И сны им снятся дерзкие.
На старый луг ступают ноги детские.

* *
* *

Что мне делать,
Когда до сих пор ничего не умею?
Столько лет воспевал
И молился,
И в словах моих не было лжи.
Но сейчас,
Когда сроки пришли
И когда предъявляется вексель к оплате,
Что мне делать, скажи?

Осыпаются зерна пшеницы,
А я жать не умею,
Молотить не умею,

В этом возрасте, друг,
Понимаешь тревогу мою? —
В этом возрасте,
В мои годы,
Как нищий с сумою,
Я о хлебе насущном молю.

Я завидую молоту,
Наковальне,
Серпу и лопате.
Царства рушились,
Еретик восставал против веры,
Мор валил наповал.

Только серп над пшеницей склонялся
И землю лопата копала,
Молот серп и лопату ковал.

Ну, а я,
Моей веры возвышенной
Инок смятенный,
Днем и ночью молился
И не думал о славе своей
И о хлебе насущном своем.
Что мне делать,
Когда до сих пор ничего не умею?
Что хула, что молитва —
Нет проку ни в том,
Ни в другом.

О, теперь-то я знаю, что делать,
Как жить,
Чтобы попусту дни не сгорели,
Не собьет меня ветер в дороге,
И буря в пути не качнет.
...Но, увы,
Говорят: на том свете
Сумеет играть на свирели,
Кто на пятом десятке
Игре обучаться начнет.

МОНОЛОГ ИЗ ПОЭМЫ «ЛАУРА И ПЕТРАРКА»

Словно вопроса тихий печальный знак,
Смотрит Вселенная,
Сумрачна и понура...
Где ты?
Забыла?
Покинула?
Как же так?

Авэ, Лаура!

В холод такой
Любовь одна горяча,
И нету у земли надежнее караула,
Сколько же еще может гореть свеча? —

Авэ, Лаура!

В средневековую черную эту тьму
И меч мой и крест —
Стрела Амура.
Если не ты —
Молиться тогда кому?

Авэ, Лаура!

Кровь моя убыстряет безумный бег.
Занавес поднят, кончена увертюра.
Разве ж и любовь —
Предательство в этот век?

Авэ, Лаура!

РОЯЛЬ

Он был уже давно похож на шкаф,
на старый шкаф
с одеждой припыленной.
Хозяин его запер на замок,
и спрятал ключ в кармашек,
и расставил
на нем слонов
и гипсовых амуров.
И то, что было некогда роялем,
на шкаф старинный
стало походить.

А в комнате был шум,
и штукатурка
со стен валилась,
и плясали гости.
А под высокомерными слонами,
как стебельки,
придавленные камнем,
дышали напряженно фуги Баха,
и грустные напевы Комитаса,
и ко всему глухой уже Бетховен,
и оглушенный криками Шопен...
Играли в нарды¹,

¹ Нарды — восточная игра.

и долму¹ варили,
и белой пеной пиво исходило,
и ел шашлык хозяин,
были оба
жирны они —
хозяин и шашлык.
От плясок и от пьяного рычания
в рояле тихо вздрагивали струны,
они печально, жалобно звенели.

И вот тогда я вышел из себя...
Я распахнул рояль в одно мгновенье,
я клавиши холодные погладил,
я вышитую белую дорожку
рванул,
и семь слонов упали на пол
и безработный гипсовый амур.

И снова шкаф старинный
стал роялем,
и вновь душа рояля трепетала,
она рыдала, буйствовала, пела,
со мной одним обидами делаясь.
И гости загалдели:
«Что случилось?»
«Ах, наш поэт!

Он пить совсем
не может!»

«Да что вы, он слонов задел случайно!..»
И сам хозяин подошел к роялю
и молча его запер на замок.
Я шел домой.
И ветер дул попутный.
И знал я точно, что мне надо делать,—
пусть гипсовый амур себе смеется,
и пусть грозятся белые слоны.
Не плачь, рояль,
постой,
не надо плакать.
Я все равно спасу тебя, рояль!

¹ Долма — восточное блюдо.

БУНА СЕРА¹, ИНЕССА

Эту землю увидел я в радостный час
Не из праздного интереса.
Виноград и вино — и у нас и у вас...
Буна сэра, Инесса.

И у нас и у вас сиянье одно,
Небеса огневого замеса.
Выпьем горько-сладкое наше вино.
Буна сэра, Инесса.

Нет для Евы наряднее платья, ей-ей,—
Нагота — золотая завеса.
Так отведай запретного плода смелей,
Буна сэра, Инесса.

Не спешу с признаньем: «Твоя краса».
Не спеши сказать мне: «Повеса».
Слишком все глубоко, чтоб уйти в словеса.
Буна сэра, Инесса.

Эти алые губы, что вишня в вине,
Как гранат по кромке надреза.
Почему ты так поздно встретилась мне?
Буна сэра, Инесса.

Все хорошее поздно приходит, и ты
Опоздала — кончается пьеса.
Слышишь, поезд зовет меня из темноты?
Буна сэра, Инесса.

Вновь открыта дорога осенним дням,
В ветре привкус сырого железа.
А придется ли снова встретиться нам?
Ла ревидэри², Инесса.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Ах, наши матери наивные,
ах, наши матери упрямые!
В своей любви всегда надмирные,
они везде

все те же самые.

¹ Буна сэра (молдавск.) — добрый вечер.

² Ла ревидэри (молдавск.) — до встречи, до свидания.

Так, через много-много лет
Болит ночами у солдата,
Болит рука,
которой нет.

* * *

Пой мне, пожалуйста,
Пой,
Чтобы песня все время звучала
И не имела конца,
И не имела начала.

Пой,
Чтобы песня твоя
Бередила мне душу,
Взамен ничего не прося у меня —
Так же, как дождь,
Что льется для всех,
О железную крышу звеня.

Пой мне, пожалуйста,
Пой мне, но так,
Чтоб слова говорить не хотели
Ни о причине,
Ни об удаче,
Ни о потере.

Пой мне, пожалуйста,
Но не о том, что прошло,
Не о том, что пришло,
Не о том, что случится
Со мной и с тобой.

...Отчего же ты смолкла?
Пожалуйста, пой!

* * *

Ну зачем победа тебе, скажи?..
Вот ты войско вывел на рубежи.

Комплиментов конница мчится слева,
и ложатся справа снаряды гнева,

и пехота упрямства ползет из леса,
и тоски дымовая висит завеса,

и готовы для ревности блиндажи...
А зачем победа тебе, скажи?

Ее сердце приступом взял, разбил,
а ведь ты никогда ее не любил.

Все тревожней разбитого сердца стуки,
ну, а ты зеваешь уже от скуки

и готовишь новые рубежи...
Для чего победа тебе, скажи?

* * *

...Разлуки наступили дни,
Мы друг от друга вдалеке,
И сердце, чем ни обмани,
Лишь задыхается в тоске.

Как воздух, ты везде во всем
Была со мной из года в год...
Но воздух мы осознаем,
Когда его недостает!

* * *

Ты бы в гости ко мне пришла,
Не была давно у меня.
Горе песней бы прогнала —
Прижилось оно у меня.

Вьется горлица в тишине
Над оконницей у меня.
Я б увидел тебя во сне,
Да бессонница у меня.

* * *

Ах, лошади,
Как вы красивы, лошади,
Как естественны и человечны лица
Кобылицы или коня.

Во всяком случае,
Вы явно разумнее
Меня и этой красивой женщины,
Которая мучает
Себя и меня.

Ах, лошади,
Вот стоите вы в поле,
Друг против друга,
Под летним небом,
В котором совсем недавно
Прогрохотала гроза,
Как спокойно и кротко
Смотрят на мир
И глядят друг на друга
Ваши большие и влажные,
Умные ваши глаза!

Вы молчите,
Не ссоритесь,
Друг друга не упрекаете,
Не выясняете отношений
И не даете волю
Ни тонкой иронии,
Ни грубым словам...

Ах, лошади,
Милые мои лошади,
Если б вы знали,
Как порой
Я завидую вам!

* * *

Ах, светлячок,
ах, жалкий червячок,
ну, кто тебя заставил, дурачок,
светить в кромешной тьме

не уставая —
себя своим же светом
выдавая?
Когда б не свет твой, не твои лучи,
никто б и не нашел тебя в ночи,
чтоб растоптать,
чтоб погасить твой свет,
чтоб мне из-за тебя еще терзаться —
как будто бы своих печалей нет,

* * *

О чем распекает сверчок? —
О том,
что ветер осенний
стучится в дом,
что падают листья,
желта трава,
что из лесу возят уже дрова,
что птицы готовы вот-вот в полет,
что ветер тоскливо в полях поет,
что реки уже замедляют бег,
что скоро всю землю укроет снег,
что скоро...
— Очнись, затвори окно!
Пора о весне уж забыть давно
и думать,
дверь закрыв на крючок, —
сверчок, о чем он поет, сверчок?

* * *

Сам не знаю — теряю след,
Нахожу ли русло,
Но на ваши слова в ответ
Улыбаюсь грустно.

Этот создал себе богов —
Улыбаюсь грустно.
Тот — из сонма еретиков —
Улыбаюсь грустно.

Но довольных, что вновь одолели смерть,
Хотя единоборство
И длилось всю ночь.

И
Не обременяй ничем стариков—
Слабые плечи отягощены
Бременем старости...

* * *

Коротче слов, чем «да» и «нет»,
Не сыщешь, хоть пройди весь свет.
Но если молвить нужно «да»
Или отрезать «нет»,—
Нам не хватает иногда
Всей жизни на ответ.

* * *

Человечество я воспевал,
О наивный пророк,—
Человека не знал я,
К нему не умел я примериться.

Восхвалял я гатú—
Замечательно вкусный пирог,
А понятия о том не имел,
Как мука эта мелется.

Я смотрю далеко,
Вижу путь мой —
Тяжел он и крут,
У дороги моей
Есть ухабы и есть разветвления.
...Видно, в общем и целом
Себе представляя маршрут,
О дороге самой
Я еще не имел представления.

* * *

Дерево я посадил!
Это счастье никто не отнимет.
Знаю, что вы удивляетесь много столетий,
Много веков все тот же вопрос себе задаете:
«Как он обходится,
Чем он живет,
Если мы отбираем
Все, что он сделает, вырастит или посадит?
Дерево — взяли.
Плоды — отобрали.
Как он живет?
Что ему остается?»

Нет, ошибаетесь!
Многое мне остается!
Дерево я посадил!
Это счастье никто не отнимет.

* * *

Я удивляюсь, глядя на ребят, —
Всегда спешат, во всем они спешат.
Зачем такая скорость им нужна?
И если спят,
то в позе бегуна.

Спросил бы кто —
куда они спешат?
Им, чтоб догнать меня,
всего-то нужен шаг.
Всего лишь шаг,
чтоб старости коснуться.
А я... Я так хочу
назад вернуться.

СОДЕРЖАНИЕ

«Наш век суров». Перевел Л. Шерешевский . . .	3
Двадцатый век. Перевел Д. Самойлов . . .	3
Грядущему. Перевел Б. Слуцкий . . .	4
«Стихи в грядущем». Перевела Е. Николаевская . .	5
Стихи о Ленине. Перевел М. Львов . . .	5
Мое кредо. Перевел Н. Браун . . .	6
Исповедь поэта. Перевел П. Вегин . . .	6
Последнее слово тюремщикам. Перевел Л. Шерешевский . . .	7
«Кто сильнее человека». Перевел Д. Самойлов . .	8
«Спросили вы меня». Перевел Д. Самойлов . . .	9
«Молчанье — это золото». Перевел Ю. Левитанский .	10
Я — армянин. Перевела В. Потапова . . .	10
Над древними рукописями. Перевел Евг. Евтушенко .	12
У Ниагарского водопада. Перевел Л. Озеров . . .	13
«Масис, ты весел». Перевел Ю. Левитанский . . .	13
Яблоко. Перевел А. Вознесенский . . .	14
«Привет тебе, Радость». Перевел Л. Шерешевский .	15
В лесу. Перевел Ю. Левитанский . . .	16
«Три девочки в траве». Перевел Ю. Левитанский .	16
«Что мне делать». Перевел Ю. Левитанский . . .	17
Монолог из поэмы «Лаура и Петрарка». Перевел Ю. Левитанский . . .	18
Рояль. Перевел Ю. Левитанский . . .	19
Буна сэра, Инесса. Перевел Л. Озеров . . .	21
Старая песня. Перевел Евг. Евтушенко . . .	21
Твои руки. Перевела М. Петровых . . .	22
«Снег по улице летает». Перевел Евг. Евтушенко .	23
«Я не могу». Перевел Евг. Евтушенко . . .	23
«Пой мне, пожалуйста». Перевел Ю. Левитанский .	24
«Ну зачем победа тебе», Перевел Ю. Левитанский .	24
«Разлуки нзступили дни». Перевела М. Петровых .	25
«Ты бы в гости ко мне пришла». Перевела В. Звягинцева . . .	25
«Ах, лошади». Перевел Ю. Левитанский . . .	25
«Ах, светлячок». Перевел Ю. Левитанский . . .	26
«О чем распевает сверчок». Перевел Ю. Левитанский .	27
«Сам не знаю». Перевел Ю. Левитанский . . .	27
«Когда мир я покину». Перевел Ю. Левитанский .	28
«Каждое утро, «Доброе утро!». Перевел Б. Слуцкий .	28
«Короче слов» Перевела В. Потапова . . .	29
«Человечество я воспевал». Перевел Ю. Левитанский .	29
«Дерево я посадил!». Перевел Б. Слуцкий . . .	30
«Я удивляюсь». Перевел Мавр Ян . . .	30

Геворг Григорьевич Эмин

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 31/III 1977 г. А 00334. Подписано к печати 30/V 1977 г.
Формат 70×108^{1/32} Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,58.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1475. Зак. № 415. Цена 16 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.